

Сивко-бурко

В одной деревне жил мужик. У него было три сына — Василий, Петр и Иван. Этот старик жил и заболел. Заболел, потом говорит своим сыновьям: «Дети, идите, я при живности капитал вам разделю!»

Сыновья приходят к отцу, он им вынул денег, по три копейки разделил и говорит: «Когда я помру, вы приходите на могилу ко мне ночью, караульте по ночи все». Дети отвечают: «Ладно, покараулим. Ночь просидеть что!»

Потом отец помер. Отца захоронили, очередь приходит Василию. Василий говорит: «Ступай, Иван, карауль, ни черта ты не делаешь, только тебе и работа». Иван на ответ: «Очередь-то не моя, а твоя, иди-ко ты карауль!»

Василий стоптал ногами на Ивана. Иван, как младший брат, принуждено дело, [должен] был идти караулить. Пришел на могилу, сидит у могилы. В двенадцать часов ночи вскрылась могила. Выходит отец: «Здравствуй, Василий!» Иван отвечает: «Не Василий, — говорит, — а Иван». — «А что же Василий?» — говорит «Василий нейдет». — «Ладно, Иван, — говорит, — карауль!»

Так утро стало, заря началась. Отец опять ушел в могилу. Могила закрылась по-старому, как и была. Иван приходит домой, братья спрашивают: «Ну что на могиле видел?» — «А сходите сами, так узнаете», — Иван отвечает.

Вторая ночь подходит. Очередь идет Петру. Петр таким же образом посылает Ивана: «Иди, Ванюха, — говорит, — карауль, тебе столько и работы!»

Иван, делать нечего, опять собирается и идет на могилу. Сидит опять. В двенадцать часов могила открылась. Приходит отец: «Здравствуй, Петр!» Иван отвечает: «Не Петр, а Иван», — «А Петр что?» — говорит. «Петр не желает идти на могилу». — «Ладно, Иван, — говорит, — карауль, тебе будет не худо!»

Так время прошло опять до утра. Заря началась, отец опять ушел в могилу.

Иван приходит домой, братья спрашивают его: «Что видал на могиле?» — «Сходите, — говорит, — сами, узнаете, что на могиле».

Так третья ночка подходит. Иван никого уже не дожидается и идет на могилу. На могиле сидел до двенадцати часов, опять в двенадцать часов могила открылась. Выходит отец: «Здравствуй, Иван!» — «Здравствуй, здравствуй, папаша!» — «Так вот, Иван, я тебе вынес три пузырька. На-ка, — говорит, — вот пузырек съешь один».

Иван взял, пузырек съел и почувствовал в себе что-то крепкое, сила очутилась в нем. Отец Ивана крикнул громким голосом: «Эх, — говорит, — Сивко-Бурко, вечный Воронко, встань передо мной, как лист перед травой!»

Конь прибежал большой, Иван устрасился: из рта пламя ходит, из ноздрей дым валит. «Вот, — говорит, — Иван, в право ухо полезай, а в лево выйдешь!» Иван в право ухо влез, в лево и вышел. Очутился бравым рыцарем. Тогда отец говорит: «Вот, Иван, можешь ли ты сейчас владеть этим конем?»

Иван коня взял за гриву, конь головой чуть пошевелил — Ивана как ветром отнесло от коня. «Э-э-эх, Иван, — говорит, — слаб. На еще, — говорит, — пузырек съешь!» Иван взял, пузырек съел, еще почувствовал: силы вдвое прибыло. Тогда подошел к коню, хлопнул коня по ребрам, конь стоит — не хивильнется. Заскочил на коня, конь бросился. Иван, как овсяный сноп, свалился с коня. Отец и говорит: «Ну, Иван, третий пузырек на, съешь!»

Иван взял, третий пузырек съел, заскочил на коня и пришпорил коня в поле. Все равно конь полетел, и Иван сидит крепко-накрепко, как прикованный. Вернулся обратно к отцу, отец и творит: «Ну, — говорит, — Иван, владей моим конем, конь мой собственный, а вся сбруя и доспехи богатырски под старым домом под передним углом. Ты приздынь угол и выложи все доспехи богатырски!»

Тогда они тут распрощались с отцом, отец сказал: «Ну, — говорит, — Сивко-Бурко, вещий Воронко, как мне служил, так и моему сыну служи, Ивану! Когда, — говорит, — тебе не нужно, так спускай в поле своего коня, а когда нужно, тогда, — говорит, — кричи: «Сивко-Бурко, вечный Воронко, встань передо мной, как лист перед травой». Красота вся в его в ушах, — говорит. — Когда поезжать, в право ухо влезай, в лево выходи, будешь красавчиком, а когда приезжаешь, спускай коня — в лево влезай, в право вылезай, и будешь таким же, как и раньше был. Тогда никто тебя не сможет узнать».

Заря стала. Отец ушел в могилу, а Иван пошел домой, спустил своего коня на волю.

Приходит домой, братья опять спрашивают его: «Что, Иван, видел на могиле? Что сказать будешь?» Иван отвечает: «Сходили бы сами, так и узнали все».

Так Иван живет себе преспокойно, занятия у него никакого, он, как дурачок сопливый, на печке сидит, замажется.

Вдруг, недалеко в городе была королевна, барышня, стала выбирать себе жениха. Выстроила балкон и села там в балконе и дала повсюду известия: «Кто до меня на коне выскочит, тот мой жених будет».

Вот братья собираются смотреть, что там будет. А Иван просится у братьей: «Братья, возьмите меня туда же, я посмотрю!» Братья в ответ Ивану: «Куда ты, дурак такой, пойдешь на смех людей! Люди засмеют, да и нас-то ты обесчестишь». Иван говорит: «Давай, ладно, братья, подите вы уж!»

Братья ушли, а Иван собрался и говорит невестке: «Дайте мне, — говорит, — корзину, я пойду за грибами, принесу, хотя грибков наварю».

Невестки ему корзину дали, он взял корзину и пошел в лес, крикнул голосом: «Эх, Сивко-Бурко, вечный Воронко, встань передо мной, как лист перед травой!»

Конь прибежал, встал как вкопанный. Иван в право ухо влез, левым вышел, сделался хорошим красавцем.

Тогда он подъехал ко своему старому дому, призьнял передний угол и выклат всю богатырскую принадлежность, заскочил на коня и поехал. Догнал братей да дал им нагайкой по спинам обоим, они еле-еле справились. Приезжает в город и припустил своего коня к этому балкону. Конь выскочил. Он не успел у нее кольцо взять. Она кольцо кинет да ему в лоб. У него все равно как солнце во лбу воссияло! И он уехал. Не могли его поймать.

Приехал опять в поле домой, коня спустил. В право ухо влез, левым вышел, сделался таким по-прежнему. Взял корзину, набрал каких-нибудь грибов, а тряпкой худящей тож какой-нибудь завязал лоб свой и пришел домой. И говорит: «Нате, невестки, грибы!»

А невестки посмотрели — грибы никуда не годны. Давай на него ругаться: «Ты, — говорят, — не грибов, а червей нагребил одних только! А лоб-то, — говорит, — где расшиб?» «Да я, — говорит, — Полез за грибом в кусты да

разорвал суком».

А сам забрался опять на печку и полеживает себе. Потом приходят братья. Иван и спрашивает: «Ну что же, братья, скажете и что там хорошего?» — «Да там, — говорят, — хороший рыцарь приезжал, да не могли поймать. Ехал вперед да нас ударил плетью еще, за что — не знаем, так мы едва почувствовались. Да там приехал в город да на коне прямо выскочил до балкону, кольцо не успел взять. Королевна кинула кольцом в него и забросила ему в лоб. И он поехал, у него все равно как солнце сияет во лбу. Так и скрылся — не могли поймать». Иван и говорит: «Не я ли, братья, был?» Братья на него зашумели: «Ах, ты дурак, ты сопливый, где же тебе бывать там?» — «Давай, ладно, братья», — говорит.

Потом королевна стала собирать бал. И дала такой приказ, чтобы нигде ни один человек из мужского полу не остался, все чтобы были на балу. Тогда братья стали собираться на бал. Иван и говорит: «Братья, возьмите меня!» — «Взять-то мы бы, — говорят, — и взяли, да ты ведь обесчестишь нас, да и народ весь присрамишь, а не то нас». — «А приказ-то, братья! — говорит. — Ведь всем надо быть там!»

Братья тогда его взяли с собой. Пришли на бал и засунули за печку в самой в задней столовой. Так. Королевна стала обносить чару, угощать всех. Всех обнесла, не могла найти своего суженого. Потом заглянула как-то нечаянно за печку и увидала там Ивана: «А вы что здесь, — говорит, — молодец? Выпейте чару!» Потом увидала — у него завязан лоб тряпкой, и говорит: «Этта что у вас?» Иван отвечает: «Ходил за грибами в лес да на сук напоролся».

Она взяла тряпку и призьняла посмотреть рану. А тут во лбу ее перстень.

Воссияло по всем столовым — как яркий, солнечный день! Тогда она взяла за руку и вывела в переднюю столовую и говорит: «Вот, — говорит, — мой суженый!»

Не долго думавши, сейчас играй свадьбу. Повенчались и стали жить. Государь дал им особое помещение.

Иван только и дело — спит, больше у него и занятия никакого.

Вдруг государю донесли, знать, кто-то там в поле ходил и видел — ходит свинка золоты щетинки. Государь стал отправлять.

У него еще было два зятя, кроме Ивана: «Берите, — говорит, — войско, силы

и как-нибудь достаньте эту свинку золоты щетинки, мы в сад ее спустим. Она будет у нас украшать сад».

Так. Жена Ивана приходит ко своему мужу и говорит: «Что же, Иван, всё вы спите? Папаша-то отправляет зятьев-то имать свинку золоты щетинки! Поезжай-ко и ты с ними. Не можете ли поймать?» Иван и говорит: «Иди-ко, проси у папаши каку-нибудь лошадку мне, я тоже поеду», — говорит.

Она пошла, ему привели лошадку. Иван сел и поехал за город. Выехал за город, взял за хвост, сдернул с лошади кожу и кинул на поле: «Нате, сороки да вороны, от царя подарки!» А сам крикнул громким голосом своего коня: «Эх, Сивко-Бурко, вечный Воронко, встань передо мной, как лист перед травой!»

Конь прибежал, Иван в право ухо влез, в лево вылез, сделался красавцем, пожалуй — такого на свете нет! Заскочил на коня и поехал. Едет, а зятя не смеют и близко подойти ко свинке, свинка ходит в поле. Иван подъехал и давай нагайкой свинку пороть. Свинка бегала, бегала и остановилась. Иван слез с коня, раскинул шатер, поставил коня к шатру и свинку, сам зашел в шатер, лег спать. Спит, а эти молодцы и подходят к нему, не смеют близко подойти. «Как же бы подобраться по эту свинку, купить у него?»

Потом как-нибудь подобрались, зашли в шатер и стали будить Ивана. Конечно, они не знают, что Иван. «Встань, — говорят, — добрый молодец, продай нам свинку!» — «У меня свинка не продажна, — отвечает Иван, — а заветна». — «А велик ли завет?» — спросили Ивана. «А от рук по пальцу», — говорит. Они и говорят: «Не раздевать перчатки с рук — не заметит никто».

Взяли отсеки по пальцу. Иван завернул в бумажки и положил в карман. Отдал им свинку золотую щетинку.

Ну, они взяли и увели ее домой. Иван приехал к дому, спустил своего коня и забрался к себе опять на печку и спит себе преспокойно. Жена Ивана приходит, Иван дома. «Эх, Иван, — говорит, — зятя-то привели свинку золоту щетинку, поймали, а ты обродил — ничего не нашел». Иван отвечает: «Да мне и не надо!»

Потом опять получил известие государь: ходит в поле олешек золоты рожка. Государь опять посылает своих зятьев имать олешка золоты рожка. Зятя собираются в дорогу, а жена Ивана опять пришла и говорит Ивану: «Иван, иди-ко, — говорит, — поезжай, зятя-то опять поймают олешка золоты рожка, а нам-то что, на нас папаша косо смотрит, да и сестры-то

надо мной смеются, что вышла за такого пенътюха». Иван и говорит: «Давай иди, — говорит, — проси лошаденушку каку-ле опять».

Она пошла, привела ему опять лошадку. Он сел, за город поехал. Выехал за город и кинул лошадь опять: «Ешьте, сороки да вороны, от царя подарки!» А сам кликнул своего коня: «Эх, Сивко-Бурко, вечный Воронко, встань передо мной, как лист перед травой!»

Конь прибежал, встал как вкопанный. Иван в право ухо влез, в лево вышел, сделался опять хорошим молодцом. Заскочил на коня и поехал. Едет, видит — ходит олешек золоты рожка. Они и близко не смеют подойти. А Иван сразу подъехал да нагайкой погонял здорово олешка. Олешек стал — не шевелится больше. Тогда Иван слез с коня, раскинул шатер, поставил к шатру олешка и коня, сам зашел в шатер, повалился спать. А эти молодцы опять подходят к шатру: как бы добраться до Ивана, как бы он им уступил олешка золоты рожка. Зашли в шатер, разбудили Ивана и говорят: «Продай олешка нам золоты рожка!» Иван отвечает: «Не продажный олешек, а заветный». — «А велик ли ваш завет?» — «С ног по персту». — «А что, можно отдать! В бане не раздевать чулка — не заметит никто».

Отсекли по пальцу и отдали. Иван отдал олешка, пальцы завернул в бумажку и положил в карман. Сел на коня и поехал домой. Коня спустил, пришел к дому, забрался на печку и спит.

Жена приходит к Ивану и опять говорит: «Эх, Иван, Иван, ты опять спишь, а те зятья, — говорит, — привели олешка золоты рожка. Гулянья-то сколько у них!» — «Пускай гуляют, — говорит, — мне не нужно».

Да не через долго время получил государь известье опять: ходит в поле сорокопега кобыла с сороками жеребьятами с малопоздышками. Государь отправляет опять зятьев имать кобылу. Жена Ивана опять приходит к Ивану и говорит: «Иван, поезжай-кося с зятьями-то вместе, не сможете ли поймать сорокопегу кобылу с сороками жеребьятами с малопоздышками. Они поезжают, может, и вас пригласят». — «Ладно, — Иван отвечает, — я и без них уеду».

Иван пошел из комнаты вон и прямо пошел за город. Крикнул своего коня: «Эх, Сивко-Бурко, вечный Воронко, встань передо мной, как лист перед травой!»

В право ухо влез, в лево вылез, сделался хорошим рыцарем, заскочил на коня и поехал к бондарям, заказал сработать две бочки. Поехал в кузницу,

заказал сковать три прута. Это все ему приготовили. Бочки повесил коню на бока, а прутьё в руки взял и поехал в поле. Едет, видит — кобыла ходит с сороками жеребятами с малопоздышками и близко никого не подпускает, прямо бьет копытами, зубами рвет — страшно дело!

А у государя зятя из-за кустиков выглядывают, не смеют и показаться кобыле. А Иван припустил своего коня прямо на сорокопегу кобылу. Кобыла уши спустила и направилась на коня, хотела прямо зубами пробить бока у коня. Но бока спасли бочки,хватила по бочкам. В это время Иван взял прут и давай кобылу пороть. До того порол, избил два прута, схватил третий, тогда кобыла остановилась и больше ни с места.

Иван слез с коня, раскинул шатер, поставил кобылу к шатру и своего коня, стоят все равно как век жили вместе. Сам зашел в шатер и опять завалился спать. Тогда подошли братья опять, как-нибудь пробрались в шатер к Ивану: «Продай, молодец, сорокопегу кобылу с сороками жеребятами с малопоздышками! Что хочешь бери, только дай нам!» Иван отвечает: «Не продажна, а заветна», — «Велик ли завет?» — спросили Ивана. Иван говорит: «Из спины по ремню выкроить». Они и говорят: а впрочем — не раздевать рубашек в байне!»

Иван выкроил у них по ремню из спины, завернул в трубочку, завернул в бумажку и положил в карман. Отдал им сорокопегу кобылу с сороками жеребятами с малопоздышками, а сам сел на коня и поехал ко своему дому. Приехал ко своему дому, поставил коня ко крыльцу, сам зашел во свою спальню и повалился спать.

Вдруг его жена идет домой, а у крыльца стоит тот конь, на котором ехал ее первый раз жених, когда она видела с балкону. обрадовалась, вернулась обратно ко своему папаше и говорит: «Папаша, иди, у нас есть, у крыльца стоит конь, тот конь, на котором ко мне жених приезжал, когда я сидела в балконе!»

Так государь пошел. И шли, зашли в комнату. Спит красивый и бравый рыцарь крепким сном. Государь стал его будить, потом разбудил и стал спрашивать: «Откуда ты, добрый молодец?» Иван отвечает: «Что вы, папаша, разве не знаете своих грязных вшей? Я, — говорит, — ваш зять Иван. А где же ваша, — говорит, — сорокопега кобыла?» — «А вот известье есть, сейчас встречать пойдем», — «Так, ладно, — отвечает Иван. — Идите встречайте, а мне нужно уснуть».

Приезжают зятя, привозят сорокопегу кобылу. Заводится у них великолепный бал. Сорокопегу кобылу, олешка золоты рожка и свинку золоту щетинку — всех спустили в сад. И вот тут ходят, смотрят, любят.

На бал собрались все, гулянье идет весело, а Ивана еще нет у них на балу. Государь и говорит: «Ну-ко, дочка, иди ко супругу, веди. Хотя и не служил он, не доставал, а все-таки надо пригласить раз хоть на бал-то».

Побежала Иванова супруга, пришла и будит Ивана: «Иван, — говорит, — встань-кося. Папаша вас просит на бал, там гуляют уже весело».

Иван встал, умылся, утерся полотнушкой, учесался и пошел со своей супругой вместе к папаше на бал. Заходит в столовую, поздоровался со всеми гостями, и посадили его за стол.

Сидит Иван за столом и стал немножко уже весел. И говорит тако слово: «Папаша, позвольте у вас спросить, объяснили ли ваши зятя, как доставали свинку золоты щетинки, и олешка золоты рожка, и сорокопегу кобылу с сороками жеребятами с малопоздышками? Могут ли они выяснить свои доспехи?» Государь отвечает: «Они мне объяснили так, что они своими доспехами, храбростью достали это все». Тогда говорит Иван: «А раздевают ли они за столом с рук перчатки?»

Сразу тут же посмотрели на них. А они за столом в перчатках. «Снимите-ко у них с рук перчатки!» — приказал Иван.

Сняли у них с рук перчатки, а у них по пальцу на руках нет! Вынимает Иван из кармана две свернутых бумажки, развернул эти бумажки, а в бумажках по пальцу обоих. «Вот это, — говорит, — это свинка золоты щетинки! Ну, а снимают ли они в бане чулки с ног?» А тут какой-то один выискался: «Я видел, — говорит, — в бане они в чулках парились!» — «Снять у них чулки с ног!»

Сняли чулки, у них по пальцу на ногах нет! Иван вынул из кармана, развернул: «Вот это, — говорит, — олешек золоты рожка. А в бане раздевали ли они рубашку?» — «Нет, не раздевали, — говорит, — сегодня в бане умывались и рубашки не раздевали». — «Снимите с них и рубашки!»

Сняли рубашки, а у них по ремню выкроено из спины. Иван вынул из кармана ремешки, развернул: «Вот это, — говорит, — сорокопега кобыла с сороками жеребятами с сорокопоздышками. Это, — говорит, — они покупали у меня, а не сами доставали. Доставал это все — я, а не они!»

Тогда государь приказал палачам взять этих зятьев, отвести и повесить не за правду. А Ивана наградил полцарством.

Иван стал жить со своей супругой хорошо и сейчас живет.

(Зап. от Е. М. Гольчикова, 44 л., д. Лебская на Мезени, в 1928 г.)

Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.